

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

АФГАНИСТАН

СЕРГЕЙ БАЛЕНКО

Вежливые люди (ЭКСМО)

Сергей Баленко

Афганистан. Честь имею!

«Алисторус»

2015

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2)

Баленко С. В.

Афганистан. Честь имею! / С. В. Баленко — «Алисторус»,
2015 — (Вежливые люди (Эксмо))

Новая книга доктора технических и кандидата военных наук полковника С.В.Баленко посвящена судьбам легендарных воинов – героев спецназа ГРУ. Одной из важных вех в истории спецназа ГРУ стала Афганская война, которая унесла жизни многих тысяч советских солдат. Отряды спецназовцев самоотверженно действовали в тылу врага, осуществляли разведку, в случае необходимости уничтожали командные пункты, ракетные установки, нарушали связь и энергоснабжение, разрушали транспортные коммуникации противника – выполняли самые сложные и опасные задания советского командования. Вначале это были отдельные отряды, а ближе к концу войны их объединили в две бригады, которые для конспирации назывались отдельными мотострелковыми батальонами. В этой книге рассказано о героях-спецназовцах, которым не суждено было живыми вернуться на Родину. Но на ее страницах они предстают перед нами как живые. Мы можем рассмотреть в их лица, прочесть письма, которые они писали родным, узнать о беспримерных подвигах, которые они совершили во имя своего воинского долга перед Родиной.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2)

© Баленко С. В., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Введение	5
«Атланты XX века»	7
Спецназ – элита вооруженных сил Российской Федерации	17
Разные судьбы... и одна война	23
Рябина красная	23
«Домашний» Коля	26
«Девяносто шесть дней и вся жизнь»	27
«Как все хожу по земле»	32
Дважды суворовец	33
Жизнелюб	35
Адский цветок	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Баленко

Афганистан. Честь имею!

*Всем матерям погибших воинов
спецназа военной разведки в Афганистане
посвящается*

Введение

Продолжавшаяся почти десять лет так называемая Афганская война (1979–1989) вошла драматической страницей в современную историю. Не утихает боль тех, чьи родные и близкие, павшие в боях, уже никогда не вернутся домой. И долго еще поколение «афганцев» – людей, прошедших войну, узнавших цену человеческой жизни, – так не похоже будет на своих никогда не воевавших сверстников.

Эхо афганской войны и сейчас тревожит наши умы и сердца. Поток публикаций на эту тему не иссякает. К сожалению, шаги в направлении серьезного, глубокого осмысления уроков афганской войны сопровождаются подчас нечистоплотными попытками некоторых сил спекулировать на проблеме Афганистана, использовать боль и страдания людей в борьбе с политическими оппонентами, что мало имеет общего со стремлением к истине.

Об участии военнослужащих армейского спецназа в афганских событиях простым людям известно очень мало. Находясь на острейших участках борьбы, они первыми вступали в бой, рисковали и жертвовали жизнью, когда того требовала обстановка.

Они были очень молоды. Мечты свои и надежды связывали только с миром. Они остро жаждали счастья. Но вдруг обрушилась на них эта Афганская война. Чужая и непонятная, но они вынуждены были взять ее на свои плечи. Почему? Им объяснили – интернациональный долг. Они всем существом своим поверили в это. Мальчики, посланные «за речку», даже не подозревали, в какую политическую авантюру они втянуты. Какими словами будут их помянуть? Кто повинен в безутешном горе солдатских матерей? Кто послал под пули их сыновей?

Никакая политическая конъюнктура не вправе посягать на память о погибших. Пусть по-разному воспринимают люди ту войну: кто-то найдет созвучие с судьбой нашей бывшей великой страны, кто-то почувствует трагедию юных солдат и офицеров, брошенных в пламя партизанской войны в совсем чужом, изуверском мире Востока, кто-то поймет, что «афганцы» – реальность, это люди, пережившие войну, которым есть что сказать о жизни и смерти. Пусть будет по-разному, пусть только не будет равнодушных, ведь от равнодушия начинаются новые войны.

Эта книга – напоминание и наказ всем нам, чтобы мы окружили вниманием и заботой семьи погибших, а также всех воинов-«афганцев», участников двух чеченских кампаний, вернувшихся живыми домой, и в первую очередь тех, кто вернулся оттуда инвалидом. Их раны и увечья и поныне не дают спокойно спать и самим участникам боев, и их близким. Они заслужили особо внимательного, справедливого отношения к себе. К большому сожалению, сегодня не решены еще многие проблемы их медицинской, психологической и социальной адаптации и реабилитации.

Эта книга очень нужна родным и близким погибших, так как является печатным памятником дорогим и любимым сыновьям, братьям и мужьям, и хочется надеяться, что она будет для них некоторым утешением и хоть немного уменьшит сердечную боль и страдания матерей, отцов, вдов, братьев и сестер, всех родных и друзей погибших воинов. Эта книга нужна нам, живущим ныне.

Эта книга и о живых – вмиг поседевших матерях и отцах, о молодых вдовах и сиротах, о боевых побратимах, чья память о погибших – самая сильная.

Идея этой книги пробила из всей боли воинов армейского спецназа, пережитой и переживаемой, которые в этом году отмечают 65-летие.

Откройте книгу. Здесь судьбы людей, чья жизнь связана со спецназом. Вчитайтесь в письма. В них – святая вера в Родину, в Отчизну.

Они только начинали жить...

Пусть память о них будет вечна!

«Атланты XX века»

Огромный материк под названием «Советский Союз», возникший в начале XX века, сыграл существенную роль в истории человечества, причем настолько существенную, что будущие историки, несомненно, весь XX век будут рассматривать как век Советского Союза. Ни исследованием причин, ни оценками произошедших явлений мы здесь заниматься не будем – надеемся, что будущие историки в них разберутся. Мы же, возможно, поможем им россыпью богатого фактологического, биографического материала. Эти россыпи – «душ золотые россыпи» – представляют собой оборванные на взлете молодые жизни последних «атлантов», последнего поколения, сформированного советской «Атлантидой».

Автор-составитель этой книги около 11 лет занимался выпуском 12-томной Книги памяти, посвященной солдатам, прапорщикам и офицерам соединений, воинских частей и подразделений специального назначения, погибшим в Афганистане в 1979–1988 годах и в двух чеченских кампаниях. Как бы воскрешая из небытия портреты-характеристики этих «атлантов», склеивая их из сохранившихся биографических и документальных свидетельств, писем, воспоминаний родственников, друзей и сослуживцев, из фотоснимков, стихов и песен, почувствовал, что «воскресшие» всем своим молодеватым десантным строем, ясным взором и без преувеличения золотым блеском душ «не довольствуются» ритуально-траурной ролью очерков-эпитафий. Они, оставленные на границе эпохи, которая назовется «Перестройкой», в отличие от своих сверстников, ушедших в новые времена и живущих сегодня совсем другой жизнью, являют собой некий феномен чистого продукта эпохи.

Так возник замысел этой книги. Первоначальное, не слишком оригинальное название «Последние из СССР», ассоциативно напоминающее «Последних из могилок», все же близко подходит к нашему замыслу: да, в наших руках находится прямое свидетельство «исчезнувшей цивилизации». Уникальнейшее свидетельство. Со всеми нами, со страной, с миром произошли разительные перемены, в которых Афганская война (официально: «введение в Афганистан ограниченного контингента советских войск») была пусть и не главным (определяющим) эпизодом, тем не менее именно момент ее окончания, снимок последнего бронетранспортера, возвращающегося «из-за речки» по мосту с радостными солдатами и развевающимся красным знаменем, стал неким символом границы эпох.

Возвращающиеся на броне солдаты въехали уже в другую страну, не в ту, которая их направила исполнять «интернациональный долг». Им еще предстояло пройти шок «афганского синдрома» и курс «шоковой терапии», в результате которых (да и в силу возраста) они уже другие, не те «воины-интернационалисты» – уже не «чистый продукт» той эпохи. А те их сверстники, оставшиеся «за речкой» вечно молодыми (вернее, возвратившиеся в свой Союз раньше – в «черных тюльпанах»), застыли перед вечностью, как мамонты, вмерзшие в толщу исторического льда.

Мы их уважительно пакуем в мраморно-гранитные обелиски, экспонируем за стеклами музейных витрин, тиражируем на страницах книг памяти, но остается что-то недоговоренное, недоосмысленное, недочувствованное, недолюбленное... Из-под глянцево-холодных граней памятников, сквозь равнодушную прозрачность музейного стекла глядят на нас изумительной искренности глаза советских мальчиков и словно укоряют в чем-то. Да, трудно принять этот укор, но и не менее трудно избавиться от него. Ведь эти мальчики – наше детство и юность. Большинство взрослого социально и духовно активного населения сегодняшней России и стран СНГ – оттуда родом, из той «Атлантиды». И не то чтобы глаза тех мальчиков корят нас в забывчивости, – нет, не о том они, не о личной памяти.

И не они задают вопросы. Это мы – мальчики, вглядываясь в родные лица остановившихся в вечности друзей, вдруг с беспокойством безвозвратной утраты, с ощущением словно

по нашей вине совершенного предательства, начинаем остро чувствовать произошедшие в нас болезненные изменения и как бы виноватиться перед ними, перед их незамутненной праведностью.

* * *

Никуда не уйти от извечного, еще давними предками установленного правила: о мертвых хорошо или ничего. Разумеется, и наш разговор его не нарушит. Но в ответ на возможную, хотя бы и косвенно-молчаливую ссылку на это правило, буде такая возникнет у нашего читателя, скажем со всей определенностью: не мы собирали этот материал. Война сделала такой социологический срез поколения и конкретного времени, какой вряд ли доступен иными методами. Правда, у могил под ружейные залпы прощания часто повторялись слова «Смерть выбирает лучших». Но это, конечно, извинительное преувеличение. Да оно и не мыслится таковым в эмоциональной атмосфере похорон. Перед лицом небытия каждая человеческая жизнь предстает во всем великолепии неисчерпаемо-чудесного творения, что было бы кощунственным сравнивать чьи-то достоинства или недостатки.

Но вот они, наши «атланты», собраны на «плацу» 12-томной Книги памяти. Выстроены шеренгами по годам гибели и географии захоронений. Иных отличий теперь у них нет – что рядовой, что подполковник, что девятнадцатилетний холостяк, что озабоченный отец семейства. И у всех нас, работавших над страницами Книги памяти, возникает дерзновенный по сути, но необходимейший методологический вопрос: как воскресить человека для памяти? Имя, даты прибытия (в этот мир) и убытия (в мир иной), факты биографии, документы, награды, звания – все это не более чем регистрационные отметки в актах гражданского состояния. Они уже запечатлены по коду судьбы живого человека, и их повторение ничего не добавляет ни облику, ни памяти об ушедших из жизни.

Начинается «воскрешение», когда среди вороха мертвых отпечатков мелькнет искра душевного огня, чем жив был человек помимо зарегистрированных важных дат, отметок в аттестате, росписей в ведомости о зарплате, в ходатайствах, заявлениях, разрешениях, отказах... Все эти факты важны и нужны: они, как переплетенные нити координат промелькнувшей жизни, создают канву для портрета воскрешаемого. Но никакой рисунок, никакая цветовая гамма не лягут на эту канву без нетленных искр, незримо, но памятно оставляемых каждым жившим. Они, эти искры, вдруг вспыхивают в самых неожиданных местах: в просьбе прислать семена белорусских цветов (вдруг да приживутся в Афганистане!), в жалости к афганскому крестьянину, пашущему деревянной сохой, в нежном поглаживании ладонью встреченного в далеком краю «земляка» – тепловоза родного Коломенского завода, в нескрываемом мальчишеском бахвальстве перед родителями: «ваш сын Витя, ВДВ», в «святой правде» о «культурной» службе в «Монголии», где на каждом шагу апельсины и персики (охраняемые от волнения родители с холодом в груди догадываются, что в Монголии апельсины не растут, что сын служит в опасном Афганистане), в тысячах тому подобных движениях души. И каждая такая «искорка» выхватывает из тьмы живой образ живого человека.

И вот эти-то «живые советские мальчишки» смотрят на нас, сегодняшних, словно узнавая и не узнавая нас среди знакомых и как бы незнакомых улиц. Они слышат наши разговоры, смотрят телефильмы, наблюдают за нашими поступками... и много-много вопросов накапливается в их ясных глазах. Какой молчаливый, невысказываемый диалог происходит между нами?

«Услышав» их голоса, увидев их «живые» душевные порывы, нам захотелось рассказать о них без «хрестоматийного глянца», как говорил поэт, вывести их из мемориальной строгой торжественности и языком повседневности, взятым из их будней, нарисовать портрет поколения. Поколения уникального. Поколения чести имеющего. Оно еще живо, не ушло в мир дино-

завров и мамонтов, но в силу разительных перемен в мире, стране и народе вдруг превратилось в историческую реликвию.

Да, социологический «срез» поколений, которые сотворила как Афганская война, так и две чеченские кампании, уникален еще и в том смысле, что он, как срез свежеспиленного дерева, не только дает возможность прочитать по концентрическим кругам какие-то содержательные характеристики, но и наглядно являет миру трагический символ «распиленного» надвое единого организма. Да, оставшиеся «вершки» еще живут, цветут и благоухают, производят потомство, пока дозреют до рыночных товарных кондиций, а «корешки» со святой уверенностью в благородстве своей миссии посылают наверх так необходимые организму жизненные почвенные соки, и эти соки недоуменными прозрачными слезами сверкают на свежем спиле теми самыми «искрами»...

Более тридцати тысяч (из них около 1500 спецназовцев) срезанных Афганской войной молодых жизней остались «корешками» того последнего дорыночного поколения, которое своими «вершками» стало и первым рыночным. В своей раздвоенности, роковой половинчатости поколение «афганцев» остро чувствует боль «распила», как чувствует инвалид боль в ампутированных ногах.

* * *

Не мальчики, но мужи продолжают жизнь этих поколений. На их долю досталась судьба похуже, пожалуй, чем всем другим поколениям, проходившим через войну. Их далекие прадеды доносились до них гулом гражданской войны с ее тачанками, «максимами», звоном клинков, «револьверным лаем». Трагизм ожесточенной ярости брата против брата к их рождению уже смягчился грустным лиризмом найденной в шкафу буденовки, песен о пробитом комсомольском сердце, о комиссарах в пыльных шлемах.

А деды их, прошедшие самую кровопролитную Великую Отечественную, трагически и не воспринимались. В блеске орденов и медалей – «наши деды – славные победы!» – героическим ореолом окружено и имя каждого павшего на той войне. Ореолом защитников Родины, павших в борьбе с иноземными захватчиками.

Какими жертвами пали мальчики «афганского» поколения? Во имя чего были отданы их молодые жизни? Вот вопросы, которые оглушили (употребим такой глагол) вернувшихся оттуда на броне радостных, оставшихся в живых «афганцев». Ни в Гражданскую, ни в Отечественную войну такой вопрос не мог возникнуть ни в одном, даже извращенном уме. «Оглушенный» «афганец» встретился с пустым деидеологизированным взглядом чиновника:

– А я тебя туда не посылал!

Страна переключила клеммы, поменяла плюсы на минусы. Тот самый враг, стоявший за спиной моджахедов и подсовывающий им в руки «стингеры», чтобы сбивать наши вертолеты, вдруг оказался «лучшим другом» деидеологизированного чиновника. Что оставалось «афганцу»? На день ВДВ в парке рвать на себе тельняшку, наяривать на гитаре:

Афган, твою мать!
Командир, твою мать!
Кандагар, твою мать!
И Кабул, твою мать!

Опаленная и пропыленная Афганистаном душа живого «атланта» металась между отчаянием ожесточения, безразличием примирения с действительностью и пронзительной памятью о чистых и светлых глазах ушедших в небытие вместе с «Атлантидой» своих друзей. Ведь там, в их глазах, осталась чистота и незамутненность собственных душ тех, кто продолжает

жить. Сегодняшний «афганец» вместе с тем чиновником тоже считает, что напрасно его «туда» посылали. Возможно, были какие-то другие ходы политической истории, да недоставало государственной мудрости. Потому мальчики погибли зря?! Ну нет! Как только доходит до этого заключения современный «афганец», восстает в нем весь его прежний дух, подкрепленный молчаливым согласием застывшего строя друзей-«атлантов».

Нельзя же так беспардонно опрокидывать на прошлое свои сегодняшние страсти! Мальчики служили великой стране, присягали на верность любимой Отчизне (любой пафос уместен для характеристики их морального состояния). Страна вручила им мощное современное отечественное оружие, посадила на могучие свои самолеты и отправила в соседнюю страну по просьбе дружественного правительства для оказания ему помощи в борьбе с контрреволюцией. Названа эта акция была выполнением интернационального долга. И сами они были названы «воинами-интернационалистами». Ничего унижительного, тем более презрительного, как это пытаются навязать обществу некоторые «задним умом крепкие» чиновники и политики, не было в их красивом имени.

Не было ничего позорного и в их поведении в чужой стране. Не они разделили афганский народ на враждующие половины, а логика войны заставляет быть для кого-то другом, для кого-то врагом. В афганском слове «шурави», которым были названы эти воины, нет ничего враждебного, подобного слову «янки» или «самураи». Не оккупантом, наемным солдатом-контрактником ступил на афганскую землю советский мальчик. Ей-же-ей, в голове и душе каждого из них светился теплый огонек «интернационального счастья», которое он нес с собой. Разительная социальная и культурная отсталость страны была так наглядна, что без дополнительной «идеологической обработки» наш солдат убеждался в справедливости официальной версии своей благородной интернациональной миссии – помочь революционной партии НДПА совершить рывок, подтянуть Афганистан из средневековья к современности.

Об этом следует говорить, потому что недобросовестные авторы, негативно освещающие присутствие советских войск в Афганистане, распространяют свое отрицательное отношение к политическому руководству СССР, принявшему, на их взгляд, ошибочное решение, и на морально-политическое состояние рядового и офицерского состава Ограниченного контингента советских войск.

Знакомые с огромным массивом живых свидетельств, документов, писем, воспоминаний, мы с полной уверенностью свидетельствуем, что дух «воина-интернационалиста» в Афгане был здоровым, достойным и даже героическим. Его, этот дух, поддерживало ощущение за спиной великой державы, пославшей сюда солдата не корысти ради, а для оказания помощи, осознание своей военно-профессиональной значимости (славное оружие в надежных руках), особенно в сравнении с действиями афганской народной армии. Враг («душман») напоминал «воину-интернационалисту» басмача из советской революционной истории, и эта определенность придавала уверенности в продолжении дела отцов и дедов.

С какой стороны ни зайди, мнение, что «наши мальчики погибали зря», вызывает не только протест, но и омерзение, как любое кощунство. Что значит «зря»? Бесплатно, что ли?

В армии, которая формируется не по найму (контракту), а по призыву в соответствии с Конституцией государства, в армии, служба в которой идеологически осмысливается как «священный долг гражданина», а офицерское поприще считается профессией «родину защищать», – в такой армии неприемлемы рыночные критерии: а сколько это стоит и что я буду иметь?

Советская армия относилась к этому вне рыночному типу, и судить о ней в целом и о каждом воине того времени в отдельности необходимо с учетом ее внутренних законов и уставов, пафоса ее лозунгов, слов присяги, воспитательных героических примеров и верности традициям.

Никто не спорит о наличии в ней недостатков, ошибок и даже преступлений. Мы (авторы-составители Книги памяти) также разделяем мнение, что ввод советских войск в Афганистан был политической ошибкой (не был учтен исламский фактор, вернее, недостаточно было изучено влияние ислама, буквально принижающее все сферы афганского общества). Но это не значит, что, исходя из признания введения войск ошибкой, мы должны все последующее рассматривать сквозь темные очки. Наоборот, ощущение ошибки (о ней не говорили, но осознавали и наверху, и внизу) придавало дополнительный импульс к компенсации ущерба от нее, к минимизации ее последствий.

Во-первых, ошибка не привела к военному поражению. Сам многолетний характер этой военно-политической акции зависел не от мощи и умения так называемого Ограниченного контингента, а от внутрисполитических, социальных и морально-психологических факторов самого афганского общества, решать которые – не дело армии. Политическое решение о выводе войск (окончание войны) не устранило, да и не могло устранить внутриафганских противоречий, о чем свидетельствует дальнейшая история этой несчастной страны.

Во-вторых, сами воинские подразделения, втянутые в эту акцию, сами армейские коллективы показали свою жизнестойкость, умение адаптироваться к неблагоприятным условиям, практически на каждом шагу сталкиваясь с необходимостью действий, не предусмотренных действующими уставами. Не было ни единого фронта, ни единого плана военных действий. Но практически бесперебойно и планомерно осуществлялось тыловое обеспечение войск. В этом тоже можно усматривать компенсацию за политическую ошибку. Да и трагический пример положения русской армии за пределами своей страны в русско-японскую войну 1904–1905 годов, когда главным фактором поражения стала бездарная организация тылового обеспечения, тоже был учтен. Вся «война» состояла из многочисленных мини-операций, которые к тому же нужно было проводить с мастерством хирурга: уничтожать бандформирования внутри кишлаков с минимальными потерями для мирного населения. Кстати говоря, ни одна из намеченных операций не была проиграна, и военный авторитет советских войск был высок. В этих условиях возрастала роль каждого командира любого уровня, да и каждого рядового. Афганская война стала школой спецназа.

В-третьих, поставленные в условия чрезвычайной осторожности, бдительности, советские солдаты и офицеры стали по-человечески ближе друг к другу. Помимо обычной воинской дисциплины, которая в экстремальных условиях войны соблюдалась беспрекословно, в армейских коллективах, особенно в подразделениях специального назначения, возникала атмосфера особенной, по-семейному любовной заботы друг о друге. По многочисленным свидетельствам участников, в воинских частях Ограниченного контингента практически не наблюдалась такая болезнь армии, как дедовщина. Если даже где-то возникали «вирусы» этой болезни, то они отторгались укрепившимся перед лицом опасности нравственным иммунитетом. Это нашло отражение в повести «Трое из разведбата», которая тоже имеет фактическую основу (вы, уважаемый читатель, прочтете ее в конце книги).

Так что мы категорически и с негодованием отвергаем даже намеки на кошунственное обвинение о зря потерянных жизнях.

«Ничто на земле не проходит бесследно...» В октябре 2003 года в Афганистане снова побывал журналист В. Снегирев, работавший корреспондентом «Комсомольской правды» в годы пребывания там советских войск. Удивительное свидетельство он опубликовал в трех номерах «Российской газеты». Прошло более 20 лет после нашего ухода из Афганистана. Несчастный народ пережил еще распри главарей моджахедов, средневековую инквизицию «Талибана», американские бомбардировки, навязанный оккупантами режим – и вот после всего этого...

– Нас там любят! – в изумлении восклицает журналист, делая такой вывод после многочисленных встреч с афганцами. Перебирая в памяти факты своей новейшей истории, совре-

менные афганцы, свидетельствует журналист, считают лучшим своим правителем Наджибуллу, а из мировых лидеров предпочтение отдают Брежневу, при котором хотя и были введены в их страну советские войска, но были и построены плотины, туннели, дороги, заводы. «Шурави» помогали, «янки» разрушали.

Вот какими «зигзагами» движется историческая логика. Попробуй предугадай, как наше слово или дело отзовется. И на какой алтарь легли жизни наших мальчиков.

* * *

«Со щитом или на щите», – говаривали в древности русские воины, уходя на битву. Была такая форма уверения, мол, обязательно вернись. «Со щитом» – значит, живой. А «на щите» приносили убитых и тяжелораненых. Но изошренная машина войны все совершенствовалась и усложнялась. Рвались снаряды, рвались тела. Закопали бы «в чистом поле под ракитой», чтоб черный ворон очи не выклевал, – и то успокоение родственникам, что их солдат земле предан. А уж вернуться с пустым рукавом или на деревянной ноге – считай, счастье.

Афганская война стала, пожалуй, первой в истории России баталией, откуда тела погибших доставлялись для захоронения ближайшим родственникам. Были, правда, отдельные случаи, когда привозили тела из Кореи, Вьетнама, Мозамбика, Конго, где наших солдат и офицеров официально «не было». Как правило, цинковый гроб приходил с легендой о несчастном случае, и не каждый город, не говоря о селе, знал про это. По инерции «черные тюльпаны» из Афганистана вначале тоже сопровождалась секретностью. И первые жертвы этой войны уходили от нас как будто украдкой. Где-то в дальнем уголке кладбища. Без больших процессий, речей и прессы. И только когда на кладбищах стали уже появляться целые «афганские» аллеи могил, когда слухи об официально «отсутствующих» наших потерях стали «секретом Полишинеля», постепенно стала меняться страусиная политика замалчивания жертв.

Государственные похороны... Как правило, они ассоциируются у нас с проводом известных деятелей, чинов, звезд. Рядовые все больше проходили по разряду братских могил – так приучила нас наша история. И вот теперь афганская эпопея заставила выработать целую систему мер организации государственных похорон каждого погибшего на войне.

С одной стороны мы как бы поднялись на ступеньку выше по пути цивилизации и гуманизма. Но, с другой стороны, неповоротливость нашей бюрократии общеизвестна. А в таком деликатном деле необходим тонкий душевный механизм взаимоотношений власти, военкоматов, места работы или учебы погибшего, его семьи. Как эту деликатность соединить с нехваткой средств на все атрибуты и процедуры? Где найти таких «гибких» чиновников, которые бы способны совместить чувство с параграфом инструкции. Вот и получилось: где-то неутешное горе матери смягчалось от деликатного обхождения, а где-то подливалось масло в огонь чиновничьим выговором: «Вы же говорили, что прибудет на панихиду человек 30, а их тут – за сто!». Это, конечно, крайний пример нравственной глухоты, когда даже во время траура наносится ненароком обида. А сколько обид начинается после траура! Сколько их нам приходилось читать в материнских письмах! Про забытые обещания поставить памятник на могиле. Про бесконечную переписку по поводу затерявшейся награды. Про разные версии обстоятельств гибели. Даже про захоронение под чужим именем (не могло обмануться материнское предчувствие: не ее сын был в цинковом гробу, который нельзя было вскрывать).

О, матери погибших «афганцев»! Эта тема также пройдет в нашей книге, являясь частью замысла о «последних из СССР». Можно даже признаться, что именно материнские письма – а они-то и были основным источником изучения и «воскрешения» павших, – подтолкнули к мысли о необходимости сохранения памяти не только каждого отдельного имени, но и всего поколения, как уникального социально-психологического явления, рожденного и выросшего

в относительно спокойный и благополучный период истории нашей страны и воспитанного в духе служения высоким идеалам.

Родили это поколение и воспитали матери, в детстве хлебнувшие все «прелести» военного и послевоенного времени середины XX века. Уходит время, и меняются на земле люди, вещи, травы и деревья, слова, мысли и песни, названия, конституции и привычки. Уже иному современнику, утром нажимающему кнопку с пьезоэлементом, трудно представить, что рядом с ним живет (еще живой) человек, в детстве добывавший огонь с помощью кресала. Нет, он не ровесник неолита. Просто он выходец из той военной бытовой нищеты, когда даже спички считались роскошью.

Знающие истинную цену каждому куску хлеба, каждой бумажной игрушке, сделанной своими руками для украшения елки, каждому слову с трибуны, из репродуктора, на странице, эти люди готовили своих детей, рожденных в благополучное время, для хорошей жизни. Уверенность в ней была повсеместная. Во-первых, невозможно было представить, чтобы в обозримое время возникла еще одна такая же война (а только она могла помешать строительству хорошей жизни). Во-вторых, признаки улучшения намечали цены; вот законодательство о приусадебных участках, вот началось панельное строительство, люди стали получать квартиры, покупать холодильники, мотоциклы; многие, спавшие до того на лавках, сундуках, обзаводились гарнитурами; чуть ли не в каждой семье появился свой студент; повсеместно стали появляться и художественные школы, параллельно с общеобразовательными, – возникла «мода» на пианино в квартире.

Не перечислить всех этих признаков. Они отражают круг забот матерей по воспитанию маленьких будущих «афганцев».

Чтобы подчеркнуть значение именно матерей в воспитании (хотя их первенство в этом и не нуждается в подтверждении), мы все-таки объективности ради подчеркнем слабую, почти незаметную роль отцов. В перелопаченном нами огромном массиве документов, воспоминаний, писем очень мало свидетельств отцовского мужского влияния на становление характера и личности. Гораздо чаще встречается гордость дедовскими военными наградами. Прочная связь отцов и сыновей наблюдается в офицерских семьях, где продолжают или создаются военные династии. Очень много среди погибших молодых лейтенантов – детей кадровых военных.

Но основное содержание писем домой – мама, ее здоровье, ее настроение, ее работа; его тоска, его забота, его любовь. Так и хочется назвать их всех, «афганцев», мамиными сынами. Мешает только устоявшееся выражение с известным негативным оттенком, хотя в данном случае оно никак не относится к этим мужественным и самостоятельным ребятам. Кстати говоря, стремление к самостоятельности, пожалуй, доминирующая черта поколения этих «маминых сынов». Это не значит, что они были под каким-то гнетом и поэтому мечтали о самостоятельности. Нет, в основном у каждого проглядывал вполне закономерный интерес юношеского возраста: испытать себя на прочность, узнать, «чего я стою». Отсюда повсеместная радость, что взяли в десантные войска, в спецназ – ведь туда отбор придирчивый. И летят в письмах восторженные мальчишечьи выкрики: «Мама, когда парашют раскрылся, я от радости закричал на все небо: „Мама!“». «Мама, свой первый прыжок я посвятил тебе» и т. д.

С мамой продолжают детские диалоги о вкусах, о бытовых мелочах, но вместе с тем маме же адресуются и жизненные открытия («Командир не может быть плохим мужиком», «Из всей нашей компании только Петя оказался настоящим другом») и тайны сердца («Спроси у Маринки: жива ли она?») и планы после «дембеля».

А какие трогательные открытки – поздравления маме ко дню ее рождения, к Новому Году, к 8 Марта! Тут каждый становится поэтом и художником. Мамины сыны потеют, подбирая нежные слова, рисуя вертолеты и парашютики – свою боевую действительность. И чем страшнее эта действительность, тем нежнее послание.

* * *

Что хочется сказать? Перебирая в руках эти листочки-памятки исчезнувшей Атлантиды, невольно настраиваясь от нежных строчек на лирическую волну, ощущаешь огромный энергетический заряд человечности этого поколения «последних из СССР», комплексов, позднее придуманной так называемой «совковости» или солдафонства! Ни зазнайства, высокомерия или черствости. Сама искренность! Чистота сердечных движений этих парней особенно становится заметной на фоне современного стиля поведения молодежи с его эстетизацией «крутизны», саморекламы, культом секса, философией прагматизма, ведущего к размытости граней многовековых нравственных «табу». Удивительное дело: то «афганское» поколение, воспитанное в советском атеистическом духе, без церквей, мечетей, синагог, выглядит более религиозным, чем нынешнее, демонстрирующее свою религиозную приверженность. В каждой молодой душе, оставшейся в письмах, песнях, документах и фотографиях, твердо и уверенно заявляет о себе ясная идейно-нравственная человеческая суть: мое существование имеет смысл для общего существования семьи, села, города, страны, человечества... отсюда надо быть полезным не только себе, но и другим. Отсюда стремление к совершенствованию, улучшению себя, чтобы быть достойным лучшего общества. Такая общая установка (независимо от ее названия – коммунизм, светлое будущее или «рай на земле») закладывалось в том поколении пионерией, комсомолом, школой, семьей, литературой и искусством. Такая установка продолжалась и в армии.

Причем эта нравственно-психологическая установка, очень близкая к религиозному чувству, ничего общего не имела с тем обвинительным клише, которое тиражировалось во время распада СССР. Клише подразумевало, что идеологически обрабатываемые в коммунистическом духе молодые люди – все на одну колодку, безликие и бездумные исполнители лозунгов партии, тусклые, бесцветные человечки, боящиеся и стыдящиеся показывать свою индивидуальность.

Одна молодая современная журналистка в очерке о погибших в Афганистане земляках выразилась, что «они были слишком скромными». На это возразила мать одного из них: «Скромность не может быть ни большой, ни малой. Ее не может быть „слишком“. Либо она есть, либо ее нет». Тема подобной мини-дискуссии не раз встречалась в наших материалах. Она отражает тенденцию изменения той нравственно-психологической установки в молодежной среде. Скромность: благо или порок?

Наверное, на этом разломе и проверяются качества того, дорыночного поколения и нынешнего, уже рыночного. Наверное, именно изменение отношения к скромности, которое «замечают» в живых сверстниках застывшие в вечности «атланты», и вызывает то недоумение в их взоре, которое подтолкнуло к замыслу книги.

Нравственно-психологическая установка на скромность как личностное достоинство, несомненно, идет от религиозного чувства, которое ставит личность, носителя религиозного сознания, в подчиненное положение по отношению к беспрекословному авторитету. Для верующего в Бога – это Бог, для верующего в идею – это общее дело, связанное с этой идеей, когда личные интересы становятся вторичными по отношению к общественным. Поэтому скромность, не выпячивание своего «Я», своих заслуг при несомненных личных достижениях становится нравственным достоинством, украшением личности. В общем-то, скромность – человеческая моральная категория, отмеченная народным эпосом, пословицами и поговорками вплоть до басен о бочках – тихой, наполненной вином, и громкой – пустой.

Рыночная психология напрочь отвергает такой моральный постулат. Для нее скромность – помеха, препятствие к успеху. Предлагать себя, подавать свои достоинства с высокой степенью самооценки становится в порядке вещей, обычным делом.

Перешагнув через скромность, как через черту, отделяющую истинное достоинство от мнимого (раздутого, разрекламированного, распиаренного), сторонники рыночной психологии, «делу дать хотя законный вид и толк», пытаются нетвердую моральную основу нескромности компенсировать целой системой юридических «сдержек и противовесов», которая, какой ни будь совершенною, все равно останется с лазейками для «нескромных».

По большому счету, скромность – обязательное условие коллективистского общежития. Нескромность, как правило, сопряженная с эгоизмом, – визитная карточка индивидуализма. Противники коллективистских форм сознания и образа жизни вменяют в вину скромности, что она-де затушевывает индивидуальность, мешает раскрываться заложенным в личности качествам. Наше знакомство с целым поколением «скромняг» позволяет резко возразить такому утверждению.

Да, одеты все они в одну униформу (тем более что наш «отбор» и обусловлен спецназом), да, у них у всех почти одинаковые короткие биографии: детский сад, школа, кружки, спортивные секции, летние пионерские лагеря, одинаковые учебники, по которым учились; одни и те же фильмы, которые видели, одни и те же песни пели... Но каждый классный руководитель скажет вам, что не было у него никогда двух похожих характеров. Даже внешнее сходство встречается чаще, чем характеры. Так что противники коллективизма в своей рекламе индивидуализма идут против натуры человека: коллектив – не стадо, а букет индивидуальностей. И, кстати, только там, в коллективе, и проявляются индивидуальные качества каждого в сопоставлении с другими. Не только проявляются, но и проверяются на человечность. Истинную человечность, которая – не только за себя, но и за других. Именно этим и силен спецназ, так же как и многие командные виды спорта: команда (коллектив) тогда хороша, когда она состоит из ярких индивидуальностей.

Вот и наши «атланты». Кого ни возьми, – у каждого «лица необщее выраженье». Один – веселый балагур, умеющий сгладить неловкую ситуацию, другой – тихоня, молчун, но в нужный момент именно его слово становится самым нужным, третий – «запойный» книголюб, четвертый – музыкант, пятый – тонкий лирик, любитель природы, шестой – «в карман за словом не лезет», седьмой – расчетливый педант, восьмой, наоборот, сначала сделает, потом подумает... Не без того, что и «шлифуется» потом коллективом: один заносчив, другой – с хитрецей, себе на уме, третий – падок на лесть, четвертый – ленив, пятый – неуклюж и т. д., нормальный человеческий «материал», как везде. Но что получается, если этот «материал» не держать в коллективистских рамках, наглядно показывает пример российского «разлома» конца XX века.

Сегодня с огромной тревогой заговорили учителя, родители, журналисты, офицеры, ученые о некоторых качествах нового «человеческого материала», появившегося в условиях критики коллективизма и всяческого поощрения индивидуализма. Повторим, мы не ведем исследования нравов, не оцениваем, что лучше, что хуже. Мы просто увидели «застывших на бегу» наших мальчиков образца восьмидесятых годов прошедшего века, которые невольно подталкивают к сравнению с современными двадцатилетними. При всем разнообразии заложенных в человеческом материале характеров, которые были и будут генетически, вдруг бросается в глаза именно эта не биологическая, а общественная составляющая.

Нравственной доминантой того «застывшего на бегу» поколения было стремление стать полезным для общества, востребованным обществом, приобрести качества, ценимые обществом, а это, в свою очередь, принесет уровень материального достатка и необходимый для жизни душевный комфорт. Все отклонения от этой нравственной доминанты, связанные с эгоистическими целями прагматического характера, составляли теневую, негативную сторону морального кодекса общества.

Нынешнее молодое поколение живет в условиях перевернутой нравственной доминанты: вектор «от себя к обществу» развернулся ровно на 180° – «от общества к себе». Нацеленность вступающего в жизнь молодого человека только на личную материальную выгоду отодвигает на

второй план, «в тень» такие качества, как скромность, подвижничество, бескорыстие, героизм, товарищество, верность, патриотизм.

Читая очерки о погибших спецназовцах времен Афганской войны и чеченских кампаний, вы не раз почувствуете красоту естественного бытования этих высоких качеств в так называемых «простых людях». Красоту, которая придает смысл существованию, которая службу делает служением, работу – творением, истину – правдой и любовь – любовью. Человека – человеком. Наверное, в прикосновении к этой красоте и заключено высшее мистическое предназначение человека. И, ей-же-ей, почти каждая индивидуальная короткая судьба, прослеженная нами, озарена хотя бы искрой такого прикосновения. То трогательной открыткой ко дню рождения мамы, то напускной строгостью к отцу («батя, не пей!»), то пронзительным признанием в любви к родному краю, то шевельнувшейся в душе поэтической волной, оставившей рифмованные строчки, то благодарным букетом учительнице во время короткого отпуска, то восхищением от услышанной мелодии, то стремительным броском своего тела навстречу опасности, грозящей товарищу...

* * *

Озарен красотой этот застывший строй «атлантов». Устраивая ему поверку, переходя от имени к имени, от лица к лицу, от души к душе, со стиснутым сердцем мы словно прикасаемся к реликвиям, которые могли бы жить среди нас. Да они и живут, безмолвно вглядываясь в нас, продолжающих жить, узнавая в нас своих родных и не узнавая.

На заре русской духовности в древнерусской литературе самым популярным жанром был жанр «жития святых». Авторы, многие из которых из скромности не оставляли имен, считали своим долгом поведать потомкам примеры праведной жизни.

Как продолжение древней традиции пусть пройдут перед глазами современных читателей жития святых наших мальчиков, выполнивших свой долг до конца и не запятнавших чести.

Спецназ – элита вооруженных сил Российской Федерации

Спецназ (специальное назначение) – это собирательный термин, собирательное название сил, средств и органов специальной разведки Российской армии и Военно-морского флота.

Истоки зарождения специальной разведки наглядно просматриваются уже в годы Гражданской войны. В марте 1917 года в ходе подготовки к Октябрьскому вооруженному восстанию при ЦК РСДРП(б) создается революционная военная организация, объединившая различные военно-революционные комитеты. В состав этих комитетов вошли полевые штабы и соответствующие разведывательные органы, на которые возлагались задачи по ведению политической и военной разведки и контрразведки.

В январе 1918 года были созданы Рабоче-крестьянская Красная армия и Рабоче-крестьянский Красный флот, боевые действия которых потребовали усиления разведки. В связи с этим при штабе Народных комиссаров по военным и морским делам было сформировано разведывательное отделение.

В начале марта 1918 года при Народном комиссариате по военным делам (Наркомвоен) был сформирован Оперативный отдел (Оперод). В его состав, кроме других подразделений и служб, входили 2-е (разведывательное) и особое разведывательное отделения. Особое разведывательное отделение занималось в основном вопросами, связанными с организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу противника и подготовкой кадров для этой цели. При особом разведывательном отделении находилась специальная школа подрывников, где обучались разведчики и партизаны. Фактически эта школа была первым разведывательным органом по подготовке кадров специальной разведки.

К середине мая 1918 года управление Красной армией осуществлялось Высшим военным советом, Оперативным отделом Наркомвоена и Всероссийским главным штабом. Каждое из этих учреждений имело в своем составе орган военной разведки. Разведка не была объединена единым руководством.

В соответствии с общим мнением руководителей разведывательных органов Наркомвоен в конце июня 1918 года создал «Комиссию по организации разведывательного и контрразведывательного дела», куда входили представители разведывательных и контрразведывательных органов Всероссийского главного штаба, Высшего военного совета и Оперода Наркомвоена. К ее работе были привлечены представители ВЧК, штабов Московского и Ярославского военных округов, а также штаба Северного участка «завесы».

2 августа 1918 года комиссия Наркомвоена утвердила «Общее положение по разведывательной и контрразведывательной службе» и штаты разведывательных отделений.

Осенью 1918 года в ходе реорганизации высшего военного управления был образован Революционный военный совет Республики (РВСР) и его Полевой штаб. 5 ноября 1918 года в составе Полевого штаба было создано Регистрационное управление как центральный орган военной разведки Республики. Этот день принято считать днем основания российской военной разведки.

В ходе Гражданской войны в составе Красной армии были сформированы армейские и фронтовые объединения, которые успешно вели боевые действия против контрреволюционных сил и интервентов.

Опыт Гражданской войны свидетельствует о том, что специальная разведка Вооруженных сил республики относилась и была составной частью агентурной разведки. В разное время ее называли: «диверсионная разведка», «активная разведка» или просто «активка», «особая разведка» и «специальная разведка».

Главной ее задачей было совершение диверсий на военно-промышленных объектах. Однако ставились и задачи специального характера, например ликвидация изменников и предателей нашей Родины и некоторые другие.

Основными организаторами и исполнителями диверсионных актов были специальные агенты или диверсионные группы. Основной метод действий: взрывы, поджоги, механические повреждения. При этом разведывательные задачи носили второстепенный характер и выполнялись попутно с основными (диверсионными).

4 апреля 1921 года Регистрационное управление было преобразовано в Разведывательное управление штаба РККА, которое стало центральным органом управления военной разведкой как в мирное, так и в военное время.

До 1935 года в Красной армии не существовало подразделений специальной разведки в составе оперативной.

Директивой начальника штаба РККА № 1371сс от 25 января 1934 года предусматривалось создание разведывательно-диверсионных подразделений. В целях маскировки Директивой предписывалось эти взводы размещать при саперных батальонах и называть «саперно-маскировочными взводами» дивизии. В них отбирались только военнослужащие второго года службы. Диверсионные взводы численностью по 40 человек дислоцировались вдоль западной границы и подчинялись начальникам разведки приграничных дивизий.

После годичной подготовки в этом взводе разведчики-диверсанты поселялись в населенных пунктах вдоль границы, компактно. Они вступали в колхозы, в органы милиции и т. д. В ближайшей воинской части для них хранилось оружие и снаряжение. Одновременно были созданы специальные курсы командиров этих взводов.

Задачи этих взводов сводились к следующему: переход через государственную границу; выход в назначенный район; проведение специальных мероприятий (подрыв железных дорог, вывод из строя средств связи, мостов, перехват связных и т. п.), создание в тылу противника паники, срыв от мобилизации, дезорганизация работы ближайшего тыла. При этом разведывательные задачи им ставились как попутные. Способ перехода государственной границы – пеший. Срок пребывания в тылу противника – как можно продолжительнее. Предпочтение отдавалось действиям мелкими (по 6–7 человек) группами. Связь с высланными группами не предусматривалась. Однако в случае крайней необходимости разрешалось ее осуществлять посыльными. Базами питания частично являлись «опорные точки». В последующем предполагалось изыскивать продовольствие, боеприпасы и другие средства материально-технического обеспечения из местных ресурсов. Планировалась также доставка крайне необходимого для групп имущества и снаряжения воздушным путем.

Уже в 1935 году наиболее дальновидные руководители отечественной военной разведки пришли к выводу о необходимости тесного взаимодействия специальной и агентурной разведки («Опорные точки» для подразделений специального назначения, создаваемые силами агентуры РУ Штаба РККА) в интересах эффективного выполнения разведывательно-боевых задач.

В 1936 году во время событий в Испании спецотделение РУ Штаба РККА решает проверить эффективность диверсионных действий и принципы боевого применения диверсионных групп типа «саперно-маскировочных взводов» в боевых условиях на фронтах Испании, куда направляются офицеры специальной разведки РУ Штаба РККА и командиры «саперно-маскировочных взводов».

Опыт борьбы в Испании показал высокую эффективность органов специальной разведки. Десятки взорванных мостов, сотни километров выведенных из строя железных дорог, более трех десятков уничтоженных воинских эшелонов, несколько аэродромов – вот далеко не полный перечень результатов действий органов специальной разведки.

В РУ Штаба РККА были первоначально организованы курсы-сборы, на которых было подготовлено всего 8 офицеров специальной разведки, но и эти курсы вскоре закрылись.

В 1937–1938 годах была не только прекращена работа по совершенствованию специальной разведки, но и ликвидированы те начинания, которые были проведены в 1934–1935 гг. «Саперно-маскировочные взводы» были расформированы, а «опорные точки» – ликвидированы.

Большая ответственность была возложена на военную разведку в условиях непосредственной подготовки к развязыванию Второй мировой войны. В этот период правительство приняло ряд важных мер по укреплению органов разведки. В 1934 году было введено в действие «Положение о прохождении службы в разведке». Разведчики получили ряд льгот, улучшилось их правовое и материальное положение.

В 1939 году началась финская война. Штаб РККА, по достоинству оценив эффективность действий финских диверсионно-разведывательных групп в тылу наших войск, ставит задачу Разведывательному отделу Ленинградского военного округа организовать в тылу у финнов диверсионные действия.

Но в силу субъективных факторов к началу Великой Отечественной войны специальная разведка Красной армии, в отличие от гитлеровского вермахта, оказалась не подготовленной к выполнению диверсионно-разведывательных задач в тылу противника, ее практически не существовало. А зародилась она еще в эпоху Петра I, создавшего специальные отряды (корпуса «корволантов»), громившие тылы и коммуникации шведов в Белоруссии и под Смоленском. Затем еще в более широких масштабах и с высокой эффективностью специальная разведка применялась великим русским полководцем М. И. Кутузовым, посылавшим в тыл наполеоновских войск подвижные воинские отряды и сумевшим правильно оценить их роль в обеспечении разгрома войск Бонапарта.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла существенные изменения в условия работы как в целом военной разведки, так и специальной в частности.

Так, например, разведывательный отдел Северного флота к 31 августа 1941 года сформировал и вывел в тыл противника 78 разведывательно-диверсионных формирований общей численностью до 3800 человек. РО Западного фронта с начала войны и до 15 сентября 1941 года вывел в тыл противника 52 нештатных разведывательно-диверсионных формирования. РО штаба Юго-Западного фронта в период с 22 июня по 1 августа 1941 года вывел в тыл противника 512 разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Условия, в которых приходилось действовать разведчикам на начальном периоде войны, были исключительно сложными. Маломощные радиостанции не перекрывали больших расстояний, которые образовывались в результате отхода наших войск. Связь в основном поддерживалась путем посылки связников через линию фронта.

Прообразом и источником спецназа Советской армии в годы Великой Отечественной войны были: диверсионно-разведывательные формирования советских партизан; оперативные центры разведки, которые действовали, как правило, под видом партизанских формирований (с полным подчинением Главному разведывательному управлению Генерального штаба и разведотделам штабов фронтов); оперативные группы разведки, которые функционировали при некоторых партизанских формированиях и органах руководства партизанским движением и направляли их разведывательно-диверсионную деятельность в интересах регулярных войск; советнический аппарат от регулярных войск (офицеры разведки Советской армии, назначенные на штабные должности в партизанские формирования или представителями в состав руководящих органов партизанского движения).

В 1942 году руководство нештатными разведывательно-диверсионными формированиями было централизовано в масштабе страны. Для этой цели постановлением Государственного комитета обороны от 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был

образован Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Необходимо было упорядочить дело организации и ведения оперативной специальной разведки.

В этой связи приказом Народного комиссара обороны от 23 октября 1942 года № 00222 предусматривалось проведение ряда мероприятий по улучшению работы военной разведки.

В ходе войны способы организации и ведения специальной разведки в тылу противника получили дальнейшее развитие и дополнились новыми, вытекающими из реально складывающейся обстановки, роста всенародной борьбы в тылу противника и в соответствии с потребностями разведывательного обеспечения операций действующих фронтов. Уже к началу 1943 года новой формой организации стало разведывательно-диверсионное соединение, создаваемое непосредственно в тылу противника. При выводе разведывательно-диверсионных формирований в тыл противника использовались наземный, воздушный и морской пути.

Тактика действий разведывательно-диверсионных формирований в годы Великой Отечественной войны отличалась большим разнообразием. Применялись засады, налеты, диверсии, своеобразным способом действий являлся рейд диверсионных формирований.

Важным видом деятельности разведывательно-диверсионных формирований явилось ведение разведки в интересах обеспечения повседневной деятельности самих формирований (разведка «на себя»), так и в интересах войск действующих фронтов.

Самоотверженная работа военных разведчиков была высоко оценена правительством. Более 180 тысяч военных разведчиков было награждено боевыми орденами, 121 из них присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а разведчику В. Н. Леонову это звание было присвоено дважды.

В результате обобщения опыта боевых действий разведывательно-диверсионных формирований в годы войны и в целях подготовки кадров для действий в тылу противника в военное время, по ходатайству начальников Главного разведывательного управления и Генерального штаба и в соответствии с директивой Военного Министра Союза ССР за № ОРГ/2/395832 от 24 октября 1950 года при общевойсковых и механизированных армиях, а также при некоторых военных округах (не имеющих армейских объединений) было создано 46 отдельных рот специального назначения по 120 человек каждая. Разведчики готовились к действиям в составе разведывательно-диверсионных групп численностью 8–10 человек.

Этот день, 24 октября 1950 года, принято считать днем основания специальной разведки.

Директивой Генерального штаба № ОРГ/6/395905 от 26 октября 1950 года руководство подготовкой рот специального назначения было возложено на Главное разведывательное управление.

Вслед за этим продолжилось воссоздание формирований спецназа КГБ СССР. И уже в 80-х годах все силовые ведомства имели соединения, части и подразделения специального назначения.

В 1953 году в процессе сокращения Вооруженных сил были оставлены одиннадцать рот, остальные – расформированы. Каждая рота состояла из двух линейных взводов, взвода радиосвязи и учебного взвода. В такой организационно-штатной структуре роты просуществовали до 1957 года.

В соответствии с указаниями Министра обороны директивой начальника Генерального штаба от 9 августа 1957 года было предложено провести следующие организационные мероприятия:

сформировать 20-й отдельный батальон СПЕЦНАЗ (ГСВГ), 27-й (СГВ), 36-й (ПрикВО), 43-й (ЗакВО) и 61-й (ТуркВО) отдельные батальоны специального назначения;

перевести на новую организационно-штатную структуру 75-ю (ПрибВО) и 78-ю (ОдВО) отдельные роты специального назначения, а также роты Уральского и Забайкальского военных округов.

На формирование батальонов специального назначения обращались существующие роты специального назначения. Для укомплектования указанных батальонов и рот отбирались лучшие военнослужащие из числа рабочей молодежи, физически здоровые, годные к службе в воздушно-десантных войсках и имеющие среднее образование, равномерно по годам призыва. На личный состав распространялись льготы, предусмотренные для воздушно-десантных войск. Срок службы устанавливался 3 года.

В результате проведенных оргмероприятий было сокращено количество рот с 11 до 4 и сформировано пять отдельных батальонов специального назначения. Боевая подготовка вновь созданных частей началась 1 декабря 1957 года и проводилась по программам Главного разведывательного управления Генерального штаба. Руководство и контроль подготовки указанных батальонов и рот возлагались на начальника разведки Главного штаба Сухопутных войск.

В конце 40-х годов XX века к руководству разведкой ВМФ СССР пришли люди, в годы войны служившие в разведывательном отделе штаба Балтийского флота и непосредственно занимавшиеся ротой особого назначения. Ими перед начальником Морского Генерального штаба ВМС, Военно-морским министром и ГРУ Генерального штаба Советской армии неоднократно ставился вопрос о воссоздании специальных частей разведки ВМС. На этом же настаивали и командующие флотами.

29 мая 1952 года вопрос о воссоздании спецчастей легких водолазов-разведчиков был рассмотрен Военно-морским министром вице-адмиралом Н. Г. Кузнецовым и решен положительно. 24 января 1953 года на совещании с начальниками управления ГРУ Генерального Морского штаба министр подтвердил решение о создании на флотах отдельных морских разведывательных дивизионов (ОРМД), в первую очередь на Черноморском и Балтийском флотах.

24 июня 1953 года директивой Генерального штаба ВМС СССР был открыт штат морского спецназа Черноморского флота. К 1955 году часть полностью закончила организационную подготовку и приступила к практической подготовке водолазов-разведчиков.

15 октября 1954 года директивой Генерального штаба ВМС СССР открывается штат спецназа Балтийского флота.

18 марта 1955 года начинается формирование спецназа Тихоокеанского флота.

26 ноября 1957 года начато формирование спецназа Северного флота.

В соответствии с решением ЦК КПСС № 338 от 21 июня 1961 года и директивой Генерального штаба № М/2/68390 от 27 марта 1962 года были разработаны схемы организации и проекты штатов бригад специального назначения мирного и военного времени.

На основании приказа Министра обороны СССР № 0088 от 15 августа 1961 года было решено «в целях улучшения специальной разведки сформировать в военных округах дополнительно к существующим спецчастям по одной роте специального назначения в каждом внутреннем военном округе».

Отдельной директивой были созданы при Военно-дипломатической академии годовичные курсы, которые функционировали с 1 января 1962 года до сентября 1963 года. Курсы сделали два выпуска офицеров для частей специального назначения и разведорганов штабов военных округов, в общей сложности около 120 человек.

К 1 января 1963 года на основании директив Генерального штаба № 140104 от 5 февраля 1962 года, № М/2/68390 от 27 марта 1962 года и № 140547 от 19 июля 1962 года было сформировано 10 скадрованных бригад специального назначения (в ЛенВО, ПрибВО, БВО, ПрикВО, КВО, ОдВО, ЗакВО, МВО, ТуркВО, ДВО), силами которых и осуществлялась подготовка специальных кадров для действий в тылу противника.

В последующем в соответствии с директивой Генерального штаба № ОРГ/7/110125 от 25 июля 1964 года была проведена реорганизация частей специального назначения, в результате которой усилены скадрованные бригады, расформированы роты и батальоны в тех военных

округах, где имелись бригады специального назначения, а высвободившаяся численность личного состава – сокращена.

Таким образом, в результате реорганизации к концу 1964 года насчитывалось 10 скадрованных бригад (во всех приграничных округах, МВО и КВО); два батальона (в ГСВГ и СГВ) и шесть рот СпН (в СкВО, ПриВО, УрВО, СибВО, ЗабВО, ЮГВ).

Учитывая важность языковой подготовки разведчиков, с летнего периода 1970 учебного года все бригады специального назначения приступили к плановому изучению иностранных языков в строгом соответствии с операционным предназначением.

В 1977 году в целях улучшения качества подготовки офицеров частей специального назначения было принято решение организовать подготовку специалистов-разведчиков частей специального назначения в отдельных группах в количестве 10 человек на каждом курсе разведывательного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе, начиная с 1978/79 учебного года.

Специфика боевого применения частей специального назначения заключается в организации и ведении активной разведки, проведении специальных мероприятий в тылу противника, выявлении и уничтожении диверсантов и банд в своем тылу, развертывании и использовании в интересах партизанского повстанческого движения формирований на захваченной противником территории, в борьбе с терроризмом.

К важнейшим традициям оперативной специальной разведки относятся: беспредельная преданность офицеров разведки Родине, их высокая идейность и сознательность, готовность отдать свои силы, а если потребуется, и жизнь для победы над врагом; уверенность в правоте дела, за которое они борются; строгое соблюдение военной и государственной тайны; постоянное стремление как можно лучше выполнить свой долг; товарищество и взаимная выручка; интернационализм; память о героях разведки, отдавших свою жизнь за Родину.

История специальной разведки изобилует многочисленными примерами проявления беспредельной преданности Родине, мужества, героизма и отваги разведчиков. Имена Героев Советского Союза В. В. Колесника, В. В. Арсенова, Я. П. Горошко, Ю. В. Исламова, Н. А. Кузнецова, О. П. Онищука и многих других славных представителей оперативной специальной разведки по праву стоят в одном ряду с именами выдающихся советских военных разведчиков, чья деятельность является примером беззаветного служения Армии и выполнения воинского долга.

Вопрос о необходимости спецназа Вооруженных сил в России поставлен самой жизнью и объективно решается уже сегодня. Спецназ, имеющий богатый боевой опыт и традиции, может и должен возродиться и обрести свою былую мощь в кратчайшие сроки в интересах могущества дружественных государств и их Вооруженных сил. Эта задача не только государственная, но и всенародная. Спецназ станет тем стержнем, вокруг которого цементируются другие профессиональные военные кадры и вооруженные формирования, создаваемые на контрактной основе.

Жизнь – отечеству,
Душу – Богу,
Честь – никому!

Разные судьбы... и одна война

*Привыкайте, живите
без нас,
С именами, что
мы носили.
Мы – разведчики,
проще – спецназ.
Мы награды нигде
не просили.
Ровной строчкой
на камне легли
Наши званья и
скорбная дата,
Чтобы имя
прочесть могли
Заменявшие нас ребята.*

Рябина красная

Судьба Марса Шабакеева – это, по сути дела, судьба молодого поколения страны. Короткая жизнь этого юноши вместила в себя очень многое. В свои восемнадцать лет Марс мечтал сделать мир красивым, став архитектором или художником.

О Марсе написано много. Трудно написать что-либо новое, необычное. Поэтому мы решили использовать для очерка материал двух журналистов: Татьяны Шпак из газеты «Огни Вычегды» и Н. Майданской из газеты «Советская культура».

Его родители, испытавшие на себе войну и ее последствия, конечно же, мечтали, чтобы их сынишку обошел злой военный рок. Мама Галина Ахияровна заведовала библиотекой и с трехлетнего возраста воспитывала Марса одна. Марс рос в атмосфере сказок Грина, поэзии Блока, Есенина. В его комнате на стене и сейчас «грустит» Ассоль. Картина так и не закончена, хотя Марс начал писать ее еще в восьмом классе, да так и не дописал...

Марс учился и в экспериментальной школе, изучал иностранный язык, ходил в различные кружки, но его любовь к рисованию была беспредельна. Он мог часами, не шелохнувшись, сидеть и рисовать, наблюдать, как рисует мама, оформляя стенгазеты и плакаты. И в шестом классе он поступает в художественную школу. Он был из той породы людей, которые всё делают фундаментально, основательно.

Его способностям не уступало упорство. Так, например, сочинение о лирике Маяковского переписывал четыре раза, пока, наконец, не получилось то, что соответствовало его пониманию поэта. Точка зрения ученика оказалась настолько неожиданной, что учитель оценить сочинение не смог. Принято считать, что мнение учителя безапелляционно, а у него на всё – свое собственное.

«Хоть бы раз что на веру принял, – вспоминала учительница Любовь Алексеевна Истомина и тут же добавила: – Но именно с ним и было интересно. Согласитесь, в школе не так уж часто встретишь вот такую личность».

В худшколе все преподаватели пророчили ему будущее художника-профессионала. Он рисовал пейзажи, портреты... и играл с друзьями в войну, ходил на уборку хлопка. Мог вступить в драку, если надо за справедливость постоять. На ссадины, синяки и царапины внима-

ния не обращал. Марс умел по-настоящему дружить. Всеобщий любимец, признанный лидер в классе, он никогда этим не пользовался ради собственной выгоды.

Зная его художественные способности, учителя, естественно, загружали его: он рисовал плакаты, стенгазеты, оформлял кабинеты, делал наглядные пособия к урокам немецкого и биологии.

Рисунки Марса были отмечены дипломом третьей степени на районном конкурсе «Я вижу мир». Его учитель Анатолий Неверов, преподававший Марсу основы изобразительного искусства, сразу понял, что это талант. Позже, когда Марса не стало, сокрушался, что не сумел его в этом убедить.

Он мог стать художником и творчеством своим утверждать добро. Склонность к рисованию у него от мамы. И то, что после школы он поступил в целлюлозно-бумажный техникум, для всех явилось неожиданностью. «Не сумел убедить в таланте». А на выставке в Сыктывкаре, в художественном музее, у его рисунка стоят люди. Восхищаются игрою цвета, техникой письма «по сырому»...

Среди школьных тетрадок – несколько карандашных набросков. Дискотека. Нарисовано так, что с места «слышно», как надывается магнитофон. А в углу подпись: «Глухая тишина»... На другом парень с девушкой. Целуются. Невольно вспоминаются слова его классного руководителя Азы Андреевны Ворониной: «Вскоре Марс так вытянулся, что стал самым высоким в классе. И самым красивым. По-моему, все девчонки в школе были в него чуточку влюблены...»

А он? Перед призывом в армию ездил на родину, к бабушке, там и встретил Галю. «Жду тебя», – напишет она на конверте и опустит письмо в почтовый ящик в полной уверенности, что дождется...

А ведь у Марса был выбор. Он сам настоял на службе в Афганистане. До этого пытался поступать в художественное училище имени Сурикова в Ленинграде, в Ухтинский индустриальный институт. Да так ли уж важно, кем бы стал Марс? Очевидно одно: что бы он ни делал, делал по-настоящему. Танцевал – все заглядывались, в самодеятельности играл как профессиональный актер; дом надо было построить – пожалуйста, любуйтесь. Из леса рябинку принес, посадил у калитки, переживал: не примется, слишком хрупкая...

Подошел срок службы, попросился туда, где труднее. В нем был резерв. Тот уникальный потенциал личности, который и срывает за пределом возможного.

Закончил «учебку» в Литве. Получил третий разряд по парашютному спорту. Командир подразделения предлагал ему остаться в «учебке» и поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

«Что скажут ребята?..» – писал он маме, когда в части уже стояли памятные обелиски ребятам, не вернувшимся из Афганистана. И в начале 1982 года Галина Ахияровна получила письмо: «Наутро нас собрали, и полетели мы в жаркую страну Афганистан. Думал и представлял ее совсем не такой. Охраняем здесь завод, на котором работают советские специалисты. Все полтора года будем ходить в караул, даже не представлял, что в Афганистане буду этим заниматься... Служба не тяжелая, совсем даже не опасная...» Почта, как всегда не спешила. Когда Галина Ахияровна читала эти строки, Марса уже не было...

На войне как на войне.

6 июня 1982 года подразделение специального назначения, в которое входило отделение Марса Шабакеева, приняло бой в районе кишлака Акча. Марс одним из первых занял оборону. Умело руководя боем, обеспечил отход товарищей. Его автомат замолчал последним. Рана оказалась очень тяжелой. Врачи сделали все возможное и даже больше, но вечером 6 июня 1986 года перестало биться сердце героя...

За пределом возможного Марс оставался личностью.

О нем буду помнить всегда. На его могиле на Центральном кладбище Сыктывкара собираются друзья. В музее техникума хранится личное дело. В 22-й школе в комнате Боевой славы экспозиция о Марсе Шабакаеве занимает первое место.

Принялась на даче рябинка, окрепла. Оправившись от удара, Галина Ахияровна от сослуживицы узнала: в глухой таежной деревне остались без родителей десять детей, и самая младшая так слаба и больна, что вряд ли выживет. Ее-то, в два года не умевшую ни ходить, ни говорить, и взяла Галина Ахияровна. Удочерила Катю.

«Мне снова есть о ком заботиться, меня снова зовут мамой...»

«Домашний» Коля

По независящим от нас причинам мы не смогли связаться с родными Николая Синельникова и получить от них необходимую информацию. Поэтому напишем только то, что нам известно из различных печатных источников.

Его жизнь до армии похожа на судьбу большинства его сверстников: беззаботное детство, окруженное любящими родителями, детсадик, учеба в школе, пионерлагеря и становление молодого рабочего. Это до армии. А уж когда надевали ребята военную форму – тут пути их расходились. Кто в Союзе служил, а кто оказывал интернациональную помощь в Афганистане.

Колина мама, Любовь Васильевна, вспоминает о сыне: «Таких, как Коля, называют „домашними“ детьми, улица мало его интересовала. С интересом читал. Любил Толстого, Макаренко, играл в духовом оркестре на трубе. Заботился о младших своих братьях – Владимире и Алексее».

Николай попал служить в отдельный отряд специального назначения. Подготовку прошел в Ашхабаде. В отряде принял отделение. Его афганская война оказалась длиной всего в пару месяцев...

Действуя в составе группы, которая 13 декабря 1983 года вела разведку сил противника в опорном пункте на одной из высот, Николай Синельников прикрывал действия боевых товарищей. Мятежники обнаружили разведчиков и открыли по ним огонь, а затем начали окружать их, стремясь захватить в плен. Отбиваясь гранатами, Николай был тяжело ранен и от полученного ранения скончался на поле боя...

Под Мурманском, где разместился после выхода из Афганистана 177-й отдельный отряд специального назначения, открыли памятник воинам-«афганцам». На одной из плит – фамилия Николая. Потом, к сожалению, отряд был расформирован, памятник демонтирован и вывезен в Псков, где и войдет в состав мемориального комплекса, посвященного всем погибшим соединения специального назначения.

Мы постоянно получаем письма, в которых, почти в каждом, вопрос: что собой представляли батальоны специального назначения, какие задачи выполняли?

Б. В. Громов, Герой Советского Союза, бывший командующий 40-й армией, в своей книге «Ограниченный контингент» пишет: «На мой взгляд, отдельные батальоны специального назначения были если не самыми, то одними из самых боеспособных частей 40-й армии. В состав каждого батальона входило примерно пятьсот офицеров, солдат и сержантов... Собственная разведка позволяла командованию батальонов прекрасно знать обстановку в своих зонах ответственности... особенно трудно пришлось батальонам, которые дислоцировались в Кандагаре, Лашкаргахе, Газни и Гардесе. Напряженная ситуация сложилась в Джелалабаде и сохранялась там на протяжении всех девяти лет».

Х. Эриксен, норвежский журналист, не раз бывавший в Афганистане и находившийся с моджахедами, свидетельствует: «Вообще же это была война без линии фронта. Противостояние было тотальным, но противники воевали, не видя друг друга, ведя порой огонь наугад. Враг мог оказаться всюду, везде моджахедов ждала засада. Точно в таком же положении были и советские войска.

Вообще, я практически нигде не видел, чтобы боевые действия вели правительственные афганские войска. Такое впечатление, что воевали только русские.

Особым уважением афганских моджахедов обычные русские подразделения не пользовались... Но все же русских опасались. Но больше всего моджахеды боялись десантных войск и спецназа. Вот у них был огромный боевой опыт, и эти люди всегда действовали на основе достоверных разведанных, нанося удары прямо в точку. И это было страшно!...»

А к Синельниковым каждый год 9 мая приезжают боевые друзья Николая.

«Девяносто шесть дней и вся жизнь»

По неясным для нас причинам мы не получили ни одного ответа на наши письма от родных Вани Малюты. Поэтому наш очерк о разведчике Иване Малюте состоит из материалов, ранее напечатанных в различных изданиях Ростова-на-Дону.

Чистый свет пронизывает комнату. Широко разливается по стенам, полу, потолку. Свет льется из больших окон. А за окнами – звенящий мир. До краев наполненный бегущей жизнью. Весна шагает по земле. Странное ощущение, но в этой комнате с большими окнами исчезает восприятие времени. Кажется, время необратимо остановилось.

Огромный портрет на стене. Гитара. Полки с книжками. Много книг. Ванины любимые. Про мужество, армию, подвиг. Он мечтал стать офицером.

На том огромном портрете Ваня еще совсем мальчишка. Удивительно мягкие, правильные черты лица. Улыбка, добрая и чуть застенчивая, едва касается губ. А в глазах навечно застыла просьба: «Мои хорошие, любимые, родные, ну не надо грустить...»

Его комната. Его дом. Он очень любил свой дом. Здесь расцветала юность. Здесь родился сын. Взять его на руки не пришлось. Не успел...

Обо всем остальном расскажут письма.

Из писем жене, Светлане Григорьевне

«25 декабря 1983 года.

Как там поживает наш Димка? Растет? Силенок набирается? Жаль, что увижу его не скоро... Сегодня 25 декабря. Сегодня вечером уезжаю в Афганистан. За меня не волнуйтесь. У меня все будет в полном порядке. Встречайте весной 1985 года. А пока ждите писем из „края чудес“».

Ваня писал много. По слогу чувствуется, обдумывал каждое слово и фразу. Оберегал покой домашних. Старался беречь...

«Без даты.

...Эх, посмотреть бы сейчас на Димку! Какой он, наш малыш? Уже подросток, наверное. Смотрит на мир и воспринимает его таким, как есть. Он не знает еще плохого и хорошего. Мы с тобой вырастим из него человека – мужчину, рядом с которым другим будет хорошо и спокойно. А самое главное, чтоб в будущем наш малыш не увидел войны.

Знаешь, до армии понятие о войне было у меня каким-то неопределенным. Теперь знаю, что это такое. Видел своими глазами и не хочу, чтобы это же увидел когда-нибудь сын.

Я много встречал наших с тобой ровесников, чья жизнь будет уже неполноценной. Молодые ребята, но без рук и без ног. Видел гробы... Но не страх появляется. Желание свести счеты с теми, от чьих рук люди гибнут...»

Он очень любил жизнь. До самозабвения. До гранитной уверенности – в этой жизни с ним ничего не случится. Ничего. Он счастливый. Он богатый на счастье. У него есть дом, любимая, есть сын, мама, отец, сестренка... А уезжая в Афганистан, дал слово себе: «Я вернусь. Обязательно вернусь!». У счастливых людей всегда так бывает...

«21 января 1984 года.

...Была небольшая командировка. Целыми днями и ночами лазили по горам, сопкам и равнинам. По камням и пескам. Каждый день и каждую ночь, пока мы мотались по этим афганским прериям, в мыслях со мной была ты.

Ночью сидишь на камнях – холодина, аж судорога сводит, а как подумаешь, что у меня есть ты, сын, – сразу теплее становится.

Сидишь, вслушиваешься в ночную тишину и все думаешь, думаешь. А звезды падают одна за другой. И за ночь можно загадать кучу желаний. И я загадываю: „Жить, жить...“»

«25 февраля 1984 года.

Не волнуйтесь за меня, ведь я же счастливый. Вы с Димушкой всегда со мной... Так хочется написать тебе много-много нежных слов, а начинаю писать – ничего не выходит. Получаются какие-то обрубки слов.

Извини меня, любимая моя, огрубел я, наверное, совсем».

«1 июня 1983 года.

...О чем я думал перед расставанием? А что думает человек, когда прощается с близкими и любимыми ему людьми? Я думал о том, что не видеть мне тебя целых два года, и я жадно ловил твой взгляд, черты твоего лица. Ты тоже была не очень веселой и, честно говоря, я думал еще о том, что, может быть, тебя никогда не увижу. Я ведь тогда знал, что еду в Афганистан».

Мать Вани, Галина Романовна, до сего дня не может простить себе, что даже попытки не сделала вернуть сына из проклятого «края чудес».

Сын призвал себя в Афганистан сам. Просьбы, рапорты и снова просьбы, просьбы: «Отправьте... Пошлите... Я там нужнее...»

Из писем матери, Галине Романовне

«Без даты.

...Мамочка, хлопотать о том, чтобы перевели служить в Союз, не надо. Мне нравится здесь служить. Нападать, тем более стрелять по нашему батальону душманы не будут. Боятся. Знают, чем для них это может кончиться. А знаешь, как они нас зовут? „Шурави“. А из-за тельняшек – „полосатый шурави“. И говорят: „Это очень плохой шурави“.

Не волнуйтесь за меня. Все будет в порядке. Я же у вас счастливый сын».

«Без даты.

Привет из солнечного Джелалабада!

Можете меня поздравить с повышением в звании – теперь я младший сержант. Прошу, за меня не волнуйтесь. Все у меня будет как надо...»

«Без даты.

... Здесь я нашел много хороших друзей. И в любой город Союза можно ехать в гости.

Эх, а домой-то как хочется!

Служить осталось год с небольшим. И долго это, и не очень. Но летом 1985 года обязательно буду дома».

«25 ноября 1984 года.

...Да, кстати, познакомьтесь. Рядом со мной на фотографии мой друг Эльдар Асанов. Парень отличный!».

В записную книжку Иван Малюта записал свои стихи:

Монолог после года службы

Еще остался год, и мало, и немало.
Еще остался год до нашей встречи там,
Куда душа зовет, и по ночам, бывало,
Во сне я шел туда, к родимым мне краям.
Где ждет отец и мать, жена и сын-малышка.
Где тишина и мир, где нет давно войны.
... Чем выжечь ту жестокость,
во мне что зародилась?
Как с рук смыть кровь врагов?
Чем воскресить друзей?
Об этом не забудешь – на сердце зарубились
Два года испытаний для юности моей.

1984 год, Джелалабад

Из писем жене, Светлане Григорьевне

«27 января 1984 года.

... Сон приснился, будто послали нас не в Джелалабад, а в Союз. Мы подъехали к Ростову. Узнал, что пару суток здесь побудем, и отпросился у взводного домой. Не иду – бегу через весь город, а мысль одна – вот сейчас увижу тебя и Димку, и вдруг проснулся.

Не знаю, почему проснулся, ведь никто не мешал. Как я жалел, что это был лишь сон. Подумалось: странно, что увижу вас только через год и два месяца.

Да, интересно, а как Димка воспринимает меня? Как скоро привыкнет? А сегодня он даже представить не может, что отец считает где-то дни в Афганистане...»

«3 апреля 1984 года.

... Почти целыми днями летаем на вертолетах, все ищем, ждем крупный караван. Должен тут пройти такой с оружием...»

«6 апреля 1984 года.

... Целыми днями то на выездах, то на облетах. Комбат у нас – мужик мировой...

Извини, Светочка, очень спешу, снова выезжаю с комбатом...»

Это письмо было последним. Через день, 8 апреля 1984 года, младший сержант Иван Малюта погиб.

Девяносто шесть дней прошагал по пыльным дорогам «края чудес» славный, улыбчивый парень. А обещал вернуться. Дому обещал и себе...

А к ночи того дня снова падали звезды. И кто-то снова загадывал желание: «Жить, жить, жи-и-и-ть...»

... Нам не хочется верить, что будем забыты.
Нам так хочется верить, что вернемся назад...

(Из стихов однополчан, посвященных И. Малюте)

Отряд специального назначения, в который входили Иван Малюта и его друг Эльдар Асанов, вел бой у населенного пункта Бадкаш-Бара-Кала.

Ваня и Эльдар, обеспечивая прикрытие с фланга, оказались отрезанными от основных сил. Десантники, хладнокровно отстреливаясь, перебежали от одного укрытия к другому. Меняли позиции, не давая душманам возможности пристреляться и зайти в тыл.

Сколько это длилось? Пять, десять минут? Может быть, больше? Они не замечали времени, но твердо верили, что в беде их не оставят, и потому понимали лишь одно: надо беречь патроны. Иван лично вывел из строя несколько мятежников, но сам был ранен.

Друзья-десантники не выпускали оружие из рук до тех пор, пока не опустел последний магазин. Оглянувшись назад, они увидели бездонную пропасть каменного каньона. Отступить было некуда.

Подпустив поближе душманов, Иван Малюта и Эльдар Асанов подорвали себя гранатами...

Я остался один, в кольцо душманами взятый,
Кровью залит приклад, и обоймы пусты.
Пусть подходят поближе. Я тяжелой гранатой
Разорву тишину этих гор золотых...

Взрыв отозвался в глубине каньона, заглушив автоматные очереди спешивших на помощь товарищей. Они не успели совсем чуть-чуть...

*В неравном бою 8 апреля 1984 года погибли, проявив мужество и героизм:
старший сержант АСАНОВ Эльдар,
рядовой БОРЕЦ Александр,
младший сержант МАЛЮТА Иван,
лейтенант СКУРИГИН Олег,
рядовой УЧАНИН Андрей.*

* * *

Звезды над Кабулом неживые,
Кто-то зажигает их в ночи.
Были вы такие молодые...
Вспомним ваши лица, помолчим.
Может быть, ни разу еще в жизни
Не узнали женского тепла.
Надо ехать, позвала Отчизна.
Надо ехать, не нужны слова.
Писем вы отсюда не писали,
Строчки писем матерей не жгли.
Почему вы рано так упали,
Оторвавшись от родной земли?
Звезды над Кабулом неживые,
Кто-то зажинает их в ночи.
Были вы такие молодые...
Вспомним ваши лица. Помолчим...

Из письма однополчан В. Сетенсева и М. Мирисманова

«...Когда Ваня еще был здесь, мы с ним говорили о смерти, ведь никто из нас не застрахован. Ваня говорил, что если придется умереть, то он унесет с собой в могилу столько врагов, сколько будет видеть их перед собой, чтобы было не обидно умирать. Он до конца остался верен своему слову, военной присяге, которую мы вместе давали Родине...»

В доме родителей Вани все так, как много лет назад. Как будто он только-только вышел. Память о сыне в сердце его родителей. Не высохли слезы поседевшей матери. Ваня так и остался навсегда юным. А Димка, который никогда не видел своего отца, все чаще замирает у его огромного портрета, что на стене комнаты, пронизанной светом.

«Как все хожу по земле»

Судьбы – как звезды. Одни, зажигаясь, горят ровно и несильно. Не дают они никому ни тепла, ни особого света. Но есть и другие судьбы. В стремительном своем полете они поражают нас своею яркостью. И, сгорая, оставляют немеркнущий свет в наших душах.

Саша рос в обычной семье. С детства привыкший к труду, рос, как тысячи его сверстников, впитывая в себя музыку только-только зарождающейся свободы.

«Саша рос послушным, трудолюбивым, добрым, – пишет мама Раиса Валентиновна. – Хорошо закончил 10 классов школы № 15. В школе занимался пулевой стрельбой, имел 2-й взрослый разряд. Грамот много осталось. А еще был классным фотографом, много читал, а шахматы всегда носил с собой в кармане, они сейчас в музее молодежи Афганистана.

Мечтал стать летчиком, поступал в военное училище, но медкомиссию не прошел – зрение подвело. Расстроился, конечно, но быстро взял себя в руки. Поступил в ПТУ, окончил его с отличием, получил специальность фрезеровщика и пошел работать на приборостроительный завод „Красное Знамя“.

Когда призвали и попал служить в учебный полк в г. Печоры Псковской области, где готовили десантников-разведчиков, понял, что впереди его ждет Афганистан.

В то время, в 1984 году, об Афганистане еще не говорили в полный голос.

После Печор был Чирчик, а потом – Афганистан.

Нам он писал: „Служу в Монголии. Обо мне не беспокойтесь, с парашютом не прыгаю, как все хожу по земле“».

В 14 боевых операциях пришлось участвовать Александру Аверьянову. 27 октября 1985 года разведчики выполняли боевую задачу в горах. Когда миновали перевал, командир заметил четырех вооруженных афганцев, внезапно появившихся из-за склона. Они несли мины. Выйдя на дорогу и осмотревшись, афганцы стали копать землю. Видно, завершали организацию засады. В это время у разведчиков заговорила радиостанция – подошло время установленного сеанса связи. В мертвой тишине эти звуки душманы слышали. Опешив, один из них выпустил наугад очередь из автомата. В ответ обрушилась лавина огня на головы моджахедов. В считанные минуты противник был буквально сметен шквальным огнем разведчиков. Схватка была короткой, но ожесточенной, как любой ближний бой. Разведчики подорвали накладным зарядом мины и, продолжая движение, вошли в «зеленку». И тут прозвучал тот выстрел. Резкий, колющий выстрел из снайперской винтовки.

3 ноября 1985 года Александр Аверьянов вернулся домой, в Рязань. Вернулся в цинке...

Дважды суворовец

Суворовец по месту рождения – в городе Суворове. Суворовец – потому что закончил Суворовское военное училище. Причем с медалью. Впрочем, и до училища все восемь классов общеобразовательной школы проходил на «пятерки».

Вообще все, за что брался Юрий Макаров, делал на «отлично». Рязанское воздушно-десантное училище закончил с «красным» дипломом. Следы его жизни – похвальные листы, почетные грамоты, дипломы, благодарственные письма, золотые медали и, наконец, орден. Посмертный.

Простой советский человек, как принято было говорить в его время, Юрий родился и вырос в простой рабочей семье. Отец, Макаров Павел Михайлович, был шофером, мать Юлия Васильевна – рабочая шмотного завода. Жили скромно, но праведно. И детей выучили. Старшая дочь стала химиком-технологом, сын – офицером.

Из письма матери: «Он с детства был приучен к труду. У нас был земельный участок и небольшое хозяйство. Копал огород и кормил кур, поросенка. Когда был еще небольшой, не мог донести ведро с кормом. Мы, уходя на работу, выносили ведро в сарай, а там он уже сам кормил свое хозяйство.

Он очень любил свой город Суворов. Однажды я шутя ему сказала: „Если я останусь одна, то уеду к дочке“. Он мне ответил: „Нет, мама, ты будешь жить только здесь. Когда пойду работать, ты бросишь работу и будешь сидеть дома, а я буду тебе помогать во всем“».

Золотое сердце сына было пробито...

А как он любил жизнь! Как любил друзей!

Его любимым праздником был Новый Год. В доме всегда наряжалась елка. Он хотя бы на одну новогоднюю ночь приезжал домой, где бы ни был. Дом наполнялся веселыми голосами многочисленных друзей. Радостно и покойно было в душах родителей.

Собирался он встретить дома и 1986 год... «Отпуск я свой хочу оттянуть до Нового Года, но не знаю, получится ли», – писал он родителям.

Не получилось. 19 октября 1985 года лейтенант Макаров повел свою группу на прочесывание «зеленки» у кишлака Бенисанг. В завязавшейся перестрелке с душманами погибли двое солдат из его группы. Сам Юрий тоже был ранен. Он принял решение не оставлять противнику тела погибших. Превозмогая боль, он с товарищами пытался вынести тела. Тут и настигла его та самая пуля...

В городе Суворове есть площадь имени Юрия Макарова. К воинской славе русского генералиссимуса он добавил свое имя лейтенанта-спецназовца.

Годы проходят. И много лет спустя ему посвящают стихи.

Из городской газеты «Светлый путь» за 22 февраля 1997 года:

Ю. Макарову

Любить девчат своих в России,
Пахать поля, ковать металл —
Все силы в годы молодые
Тебе б он, Родина, отдал.

Вдали туман, там видны горы,
За перевалом – перевал.
Свистят там пули, рвутся мины —
Вот это есть Афганистан!

Солдатам дали снаряжение —
Идти им в бой – душманов бить,
А сердце парня молодое,
Оно должно людей любить.

Вдали опять синеют горы,
За перевалом – перевал.
И в той стране, нам незнакомой,
Наш Юрий жизнь свою отдал.
Отдал за что – не знаем сами —
Не за российские поля,
Пробил твой час, но нет победы,
Там лишь судьба, судьба твоя.

Н. Винокурова, г. Суворов

Жизнелюб

Учительница Мичуринской средней школы № 4, где учился Сергей Маркитанов, Н. Ралдугина подчеркивает его открытость, широту души, веселый характер. «Хорошо помню, как широко он улыбался, раскатисто и заразительно смеялся. Мне кажется, что этот его искренний смех до сих пор звучит в ушах».

Есть такие жизнелюбы, на которых только посмотреть – и умирать не надо. Они сами бурно радуются жизни и других заражают радостью бытия. Сергей был из таких. У него особый талант в любом деле, в любой ситуации видеть прежде всего жизненную сторону. Не вышло сейчас – выйдет потом, потерял здесь – найдешь там. Не унывай!

«Его веселость, светлая улыбка часто помогали нам в нелегкой службе. Без Сергея у нас стало как-то пусто», – писали сослуживцы его родителям Михаилу Ивановичу и Марии Николаевне после его гибели.

А родителям ли не знать характер своего сына! И в школе, и в техникуме он как бы не обременял ни себя, ни родителей особыми заботами и стараниями. Тройка? Или даже двойка? Какая малость на фоне радостного лучезарного дня! Неужели омрачать его какой-то там неприятностью?

Армия? Ну и что?! Посмотрите, родители, как мне здесь хорошо среди друзей-десантников! И мама с папой видят на присланной из Печор фотографии живописную группу жизнерадостных, даже чуть форсистых парней, бравящих десантными беретами, тельняшками и камуфляжем. Да каждый, кто видит этих полных энергии и уверенности в себе ребят, залюбуется ими.

«Ну что ты, папа, беспокоишься обо мне? – как бы говорит сын приехавшему навестить его Михаилу Ивановичу. – Все у меня идет как надо. Кстати, познакомься с моей невестой», – и зимнюю шапку-ушанку сдвинул набекрень. Так и зафиксировался на фотографии с отцом и прильнувшей к нему невестой. Радовался жизни. А ведь это было перед Афганом. Все это понимали, но держали при себе.

Потом он будет писать письма родителям по рабочему адресу отца с вложенным конвертом, на котором будет стоять московский адрес, чтобы мама, которая готовилась к операции, думала, что он служит в Москве, не волновалась за него.

Казалось, такого жизнелюба и смерть сторонилась. За восемь месяцев, проведенных им в Афганистане, много раз он сталкивался с опасностью, но когда разведчик рассчитывает на свои силы, ситуация у него под контролем. А вот когда разведгруппа, успешно выполнив боевое задание, будет возвращаться на вертолетах в место дислокации, когда схлынет напряжение и расслабленные разведчики будут хохотать по причине и без причины, – вот тогда-то смерть может «достать» неуязвимых десантников. Так и случилось 6 декабря 1985 года в районе населенного пункта Коталак провинции Нимроз. Вертолет, где летели веселые разведчики вместе с жизнелюбом Сергеем Маркитановым, был подбит, загорелся и разбился.

В живых никого не осталось.

Ты прочти про меня в газете,
Если писем подолгу нет.
То, что жив и здоров на свете
Ограниченный контингент.

Друг последней взорвался гранатой,
Прокричав, что смерти нет...
Навсегда запомнят ребята

Ограниченный контингент.

Нас свинцовые бьют многоточья,
В жизни точку поставив в момент.
Ты поверь, нам всем жить так хочется —
Ограниченный контингент.

Пусть нас дети по письмам знают
И целуют старый конверт,
И хранят пусть твои медали,
Ограниченный контингент.

Адский цветок

Об Алексее Туркове привыкли судить как об очень скромном, даже по-девичьи застенчивом пареньке. Никто не мог его представить военным, командиром, тем более десантником. Даже директор шестой школы, где он учился, Зоя Павловна Винокурова перед выпуском спросила, действительно ли он собирается в военное училище.

В ответ он только зарделся.

Мама его, Ангелина Алексеевна, хорошо зная мягкий характер своего сына, советовалась с отцом, не повлиять ли им на выбор профессии. На что отец мудро рассудил: в этом деле нельзя становиться поперек, чтобы потом он не упрекнул. Отец видел, что он берет пример со старшего брата Владимира, который служил в десантных войсках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.